

5. Эко У. Норберто Боббио: пересмотренное представление о назначении ученого // Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / пер. с итал. Е. Костюкович. М.: Эксмо, 2007. 592 с.

И. В. Хмара

**ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.:
ПРЕДСТАВИТЕЛИ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются задачи и методы Санкт-Петербургской церковно-исторической школы при Санкт-Петербургской Духовной Академии на рубеже XIX–XX вв. Анализируется их новизна и традиционность. Вопрос рассматривается в контексте современных дискуссий о теологии и, в частности, об истории Церкви.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская церковно-историческая школа, Болотов В. В., Бриллиантов А. И., теология, история Церкви, высшее духовное образование.

Введение теологии в качестве специальности ВАК ставит непростые вопросы о сущности новой специальности в качестве науки, в этой связи вновь актуализируется внимание к такой связанной дисциплине как история Церкви. Что это за раздел, в чем его особенности, что, собственно, можно отнести к объекту этой науки? Это лишь малая часть некоторых затруднений, разрешение которых не является таким простым, как может показаться на первый взгляд. Уже можно наблюдать работы, прямо ставящие вопрос: «Церковная история: богословие или история?» [19]. В этой связи очень полезным видится обращение ко времени расцвета церковно-исторической науки в России на рубеже XIX–XX вв., рассмотрение задач, методов, трудов церковных историков того периода может помочь найти ответы на трудные вопросы современности.

Целью данной статьи будет рассмотрение позиций по обозначенным вопросам у представителей церковно-исторической научной школы при Санкт-Петербургской Духовной Академии на рубеже веков. Но перед тем как приступить к непосредственному анализу, обратим внимание на вехи и основные тенденции становления в России церковно-исторической науки, а также на предысторию Санкт-Петербургской научной школы.

Работы по истории церковно-исторической науки в России начали появляться уже в дореволюционные годы, т. е. до 1917 г. Иногда это были специальные исследования, посвященные истории высших духовных учебных заведений. Здесь можно привести в пример такие исследования, как «История Санкт-Петербургской Духовной Академии» (1857) профессора СПбДА Иллариона Алексеевича Чистовича (1828-1893), «История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814-1870)» (1879) профессора МДА Сергея Константиновича Смирнова (1818-1889). Обе работы довольно объемные, достаточно сказать, что они содержат 470 и 649 страниц соответственно. Однако последний труд содержит больше статистической информации, книга по истории СПбДА обращается теоретическим вопросам учебного процесса – методологии преподавания и т. д. в большей степени, в этом ключе она является для нас интересной.

К другой группе исследовательской литературы можно отнести обзоры развития конкретных наук, в нашем случае – церковно-исторической. Часто это статьи из богословских журналов, таких как старейший богословский журнал «Христианское чтение» (издается с 1821 года с перерывами) Санкт-Петербургской Духовной Академии, «Богословский вестник» (издается с 1892 г. с перерывами) – журнал Московской Духовной Академии. В последнем издании, к слову, в свое время вышла статья «Краткий очерк хода развития церковно-исторической науки у нас в России» (1895) [11, с. 289-321] профессора МДА Алексея Петровича Лебедева (1845-1908). В журнале «Христианское чтение» можно найти и такие статьи, как «Византологическая традиция в Санкт-Петербургской Духовной Академии» [14, с.143-156] профессора СПбДА Ивана Ивановича Соколова (1865-1939), что является лишним свидетельством наличия подобных обзоров, посвященных разным наукам.

Немаловажными трудами являются воспоминания, исторические оценки известных учёных деятелей. Здесь в особенности стоит выделить подобного рода работы в отношении Василия Васильевича Болотова (1854-1900) – профессора СПбДА, яркого представителя Санкт-Петербургской церковно-исторической школы, такие как «Профессор В. В. Болотов: биографический очерк» [5, с. 421-442; 563-590; 830-854] в трех частях, выполненная Александром Ивановичем Бриллиантовым – учеником профессора. Его же работа – «К характеристике ученой деятельности проф. В. В. Болотова, как церковного историка (5 апреля 1900 г.)» [6, с.467-497]. Ниже материалы этих статей будут использоваться для анализа задач и методов этих историков.

Если переходить к более современным исследованиям, то здесь можно отметить множество качественной литературы. Отметим лишь некоторые из них. Уже в середине 80-х годов вышла статья иеромонаха Иннокентия (Павлова) «Санкт-Петербургская Духовная Академия как церковно-историческая школа» [12, с. 211-269]. Она очень важна, поскольку в ней автор не только делает обзор трудов основных представителей школы, но и пытается сформулировать ее особенности, внутренние принципы. Помимо этого вопросы развития церковно-исторической науки рассматриваются в трудах Наталии Юрьевной Суховой («Высшая Духовная школа: проблемы и реформы: вторая половина XIX в.» (2012)), Веры Александровны Тарасовой («Высшая духовная школа в России в конце XIX-начале XX в.» (2005)), Михаила Витальевича Шкаровского («Санкт-Петербургские духовные школы в XX-XXI вв.» (2015)).

Переходя же теперь непосредственно к истории развития церковно-исторической науки в России можно выделить некоторые периоды, важные в нашем контексте, и охарактеризовать их.

Впервые в духовное образование, которое в России, в систематическом виде, появляется только к концу XVII в., включаются исторические науки только к началу XVIII в., что связано с реформами Петра. Введенный им Духовный Регламент предполагал изучение светской истории и церковной, но в течение одного года и в качестве иллюстративного материала к занятиям языками [11, с. 290].

Такого рода отношение к историческим наукам не является чем-то удивительным, в основу учебного процесса было положено изучение богословия, соединенное с *atrium humanorum* (новые и классические языки, грамматика, физика, метафизика арифметика, геометрия, логика и т. д.), дававшим общее образование. Изучение непосредственно богословия получило развитие в двух традициях, берущих свое начало от программ Киево-Могилянской коллегии – новая и старая традиция. Старое направление опиралось на образцы богословствования, выработанных в Католической Церкви – Фомой Аквинатом, Беллармином. Новая традиция отрицала «папёжский дух», ее представляли митрополит Стефан (Яворский) и архиепископ Феофан (Прокопович). Последний настаивал на отходе в образовании от всевозможных «Сумм теологии» и обращении к Священному Писанию и Отцам Церкви. Примечательно, что, несмотря на свою борьбу с католическим богословием, Феофан (Прокопович) все же пользовался схоластическими схемами, правда, пропущенными через сито протестантской критики [18, с. 36-39]. Все это и определяло невнимание в духовной школе XVIII в. к церковно-исторической

науке, предполагавшейся в качестве иллюстративного материала к богословским схемам. Суть обучения ее сводилась к заучиванию дат и «достопамятных событий». Такая, в каком-то смысле, воспитательная функция закреплялась ещё и требованием к системе богословского образования, по крайней мере, со времён правления Екатерины II, не только давать знания, но и воспитывать человека [18, с. 42].

Все эти тенденции двояко отразились на преподавании и изучении истории Церкви уже в XIX в. После введения устава семинарий и академий 1814 г., который видел церковно-историческую науку экстраординарной, т.е. второстепенною, но, тем не менее, отводил время для ее преподавания в течение двух лет обучения [11, с. 297], можно говорить об утверждении в России этой науки в качестве академической дисциплины. Отметим, что тогда же предполагалось деление этой науки на два уровня, приведем цитату из проекта Устава Духовных школ 1914 года: «Науки исторические могут иметь две цели, и потому в двух разных отношениях должны быть преподаваемы. Первая цель исторического учения состоит в том, чтобы каждое происшествие, замечательное в бытиях мира, уметь отнести к своему времени и месту и связать с обстоятельствами современными. Сей предмет обыкновенного обучения истории. Вторая цель высшая и несравненно полезнейшая, состоит в том, чтобы в связи происшествий, открыть успехи нравственности, постепенное шествие человеческого разума и различные его заблуждения, образования и превращения гражданских обществ и коренные причины славы и упадка государств, судьбу ложных религий и преуспевание единой истинной религии христианской. Все сии усмотрения в связи их, составляет то, что называется собственно философией истории. <...> Истинный же предмет академического учения истории должен быть философия истории» [цит. по 20, с. 210]. Уточним, что последняя фраза утверждает изучение истории во втором смысле именно в высших богословских учебных заведениях – Духовных Академиях. И это вызвало трудности, ввиду низкого уровня подготовки церковных историков. В Московской духовной Академии до времен знаменитого историка Церкви священника Александра Горского (1812-1875), т. е. до 1832 г. (!) в учебном заведении преподавание данной дисциплины велось с малым отступлением от уже появившихся учебников Филарета (Дроздова) и Иннокентия (Смирнова), преподаватели сменялись очень часто [16, с.35-36].

Идея обращения истории в пределе своем к философии истории обязана своим появлением ярким фигурам начала XIX столетия, важным, в том числе, и для Санкт-Петербургской церковно-исторической научной школы. Одной из таких личностей является Филарет

(Дроздов), который был преподавателем исторических дисциплин в СПбДА с 1809 по 1819 гг., в эти годы он пишет свою работу «Начертание церковно-библейской истории в пользу юношества, обучающегося в духовных училищах». Его представление о церковной истории зиждется на библейской основе, в которой он видел историческую достоверность. Приведем характерные слова из его трудов: «История Церкви начинается вместе с историей мира. Самое творение мира можно рассматривать как некоторое приготовление к созданию Церкви: потому что конец, для которого устроено царство природы, находится в царстве благодати» [10, с.1]. Эта логика приводит Филарета к особому пониманию смысла занятия церковной историей – это нужно для «познания царства благодати, для облегчения себе и другим шествия к царству славы» [10, с. 4]. История же Церкви в своей сути – это внутреннее движение веры во внешнем мире.

Таким образом, мы видим, что Филарет продолжает традицию XVIII в. – поставление церковно-исторической дисциплины в рамках духовной школы на службу воспитательному процессу. Влияние его было велико, стоит отметить, что последнее переиздание его «Начертания...» – 13 по счёту – вышло в 1897 г., также, вплоть до реформы устава духовных семинарий и академий 1869 года, церковной историей в высшей богословской школе занимались по книгам его ученика – Иннокентия (Смирнова) [11, с. 298].

Идеи, заложенные Филаретом (Дроздовым) развивались на протяжении всего XIX в., во время которого появлялись новые лица в церковно-исторической науке, здесь можно упомянуть и профессора Ивана Егоровича Троицкого (1832-1901), положившего начало византийским исследованиям в СПбДА, а также его ученика В. В. Болотова, о котором мы уже упоминали выше. Далее именно о нем, как о человеке, олицетворяющем расцвет церковно-исторической школы СПбДА, а также о его ученике – Александре Ивановиче Бриллиантове (1867-1933) и пойдет речь. Оба они являются представителями обозначенной научной школы рубежа эпох.

Стоит сказать особенно, что личность первого – ключевая для Санкт-Петербургской церковно-исторической школы. Его авторитет настолько был высок, что, к примеру, за период с его смерти в 1900 году по 1910 г., т. е., за десять лет, в журнале «Христианское чтение», являвшимся основным научным изданием Санкт-Петербургской Духовной Академии появляется порядка 10 статей, посвящённых биографии ученого, в том числе и научной. Это, как будет показано ниже – внушительное число.

Помимо этого, происходит посмертная публикация его работ. За указанный период их было опубликовано две, это статья «К вопросу

об *Acta Martyrum Scilitanorum*» [1, с. 60-76], а также отзыв на работу Антония Спасского «Историческая судьба сочинений Аполинария Лаодикийского с кратким предварительным очерком его жизни» в двух частях [2, с. 1253-1275; 3, с. 1400-1420].

Для сравнения, другим умершим преподавателям академии и семинарии было посвящено за указанный период лишь 6 статей, 4 из которых о разных людях, а именно о ректорах академии епископах Евсевии (Орлинском) [7, с. 1332-1351; 8, с. 1459-1482], Иоанне (Кратирове) [9, с. 421-440], преподавателях Е. И. Ловягине [15, с. 1147-1162], Н. Ф. Никольском [17, с. 1264-1282]. Ещё же две статьи были посвящены профессору И. Е. Троицкому [13, С. 677-701], причем тема второй статьи «Византологическая традиция в Санкт-Петербургской духовной академии», но повествуется в ней исключительно об обозначенном профессоре [14, с.306-316].

Сугубо положительное отношение к В. В. Болотову прослеживается также в том, что даже спустя 10 лет после его кончины в статье, посвященной памяти профессора Е. И. Ловягина (sic!), автор – Садов А. И. – сначала пишет о Болотове: «В. В. Болотов, наша слава и гордость, ушел от нас в молодых годах, свершив на земле лишь малую долю того, что он мог сделать и сделал бы – для науки, Церкви, русского просвещения – при своих совершенно исключительных духовных дарованиях, удивительной силе мысли, поразительно широких и глубоких знаниях, несравненной отданности научному делу и преданности истине» [15, с. 1147]. Отсюда видно, что Болотов В. В. был достаточно авторитетен для своего времени. Для нас особенно важно, что из 10 статей, посвященных его биографии и научному творчеству, 6 принадлежат перу его ученика – А. И. Бриллиантову. Можно предположить, что описывая идеал своего учителя, он, в какой – то мере, описывал и свой идеал научной деятельности. У него есть отдельная статья 1901 года, которая уже упоминалась выше: «К характеристике ученой деятельности проф. В. В. Болотова, как церковного историка (+5 апреля 1900 г.)». В этой статье Александр Иванович, отмечая научную величину, описывает ряд черт Болотова, характерных для него как для учёного, а именно, намерение выступать в печати только с тем, что является абсолютно новым [6, с. 470], затем отмечается широта тем, к которым обращался ученый. Но особенно важным представляются замечания относительно характера разработки этих тем, во-первых, как отмечает Бриллиантов, Болотов хорошо разбирался в богословской проблематике, так и должно быть с церковным историком, поскольку: «К церковному историку, по самому существу разрабатываемого им предмета, предъявляются требования в известном смысле высшие,

нежели какие могут быть предъявлены по отношению к историку гражданскому. Если для последнего не должно быть чуждо вообще ничто человеческое – *humanum*, то для первого не должно быть чуждо также и божественное – *divinum*, насколько оно проявлялось в положительном откровении и усвоено жизнью и мыслью человеческой за все время исторического существования церкви христианской. Другими словами, церковный историк не может излагать историю церкви, не будучи в то же время богословом» [6, с. 472].

В этих словах видится продолжение заложенного еще Филаретом (Дроздовым) отношения к истории Церкви как к назидательной, богословской дисциплине, раскрывающей внутреннее движение веры. А. И. Бриллиантов также отмечает хорошую лингвистическую подготовку Болотова, его прекрасное знание точных наук. В конце же статьи он прямо возводит своего учителя в идеал: «Теперь перед нами – лишь светлый его образ, отразившийся и в оставшихся после него произведениях – образ, который не только навсегда должен сохраниться в истории прошедшей науки, но должен указывать на тот идеал, к которому она обязана стремиться в будущем» [6, с. 494].

Через 10 лет Бриллиантов уже будет обобщать метод Болотова, заключая его в исследовании деталей: «Сам В. В. Болотов придавал исследованию деталей нравственно-обязательное для историка значение, указывая в то же время, что установить мелочи порой бывает труднее, чем верно нанести основные, определяющие линии факта» [5, с. 435]. Спустя 10 лет Александр Иванович также называет своего учителя идеальным представителем исторической науки [5, с. 433], таким образом можно утверждать, что для Бриллиантова образ его учителя – Болотова, как учёного, был идеальным образом.

Это подтверждается ещё и по тому, что он пытается воплотить эти черты в своих исследованиях. А. И. Бриллиантов использует множество языков, обращается к философским и богословским темам в рамках исторического исследования, об этом свидетельствует его работа «Влияние восточного богословия на западное в трудах Иоанна Скотта Эригены», статья «Происхождение монофиситства...» [4, с. 793-822]. В своих работах он непременно обращается к тому, что позже назвали «конкретно-историческим методом», т. е. избегает теоретических построений, обращается к конкретным фактам, порой даже незначительным, но очень важным для прояснения общей картины.

Подытоживая, можно сказать, что Санкт-Петербургская церковно-историческая школа на рубеже XIX–XX вв. видела в кругу задач церковного историка богословское исследование, считая, таким образом, церковную историю, фактически, теологической дисциплиной. В этом она

опирается на традицию, формировавшуюся в русской богословской традиции еще в XVIII в., но нашедшей свое яркое выражение в начале XIX в. в трудах Филарета (Дроздова), впоследствии митрополита Московского. Однако на рубеже веков появляются и новации, связанные с формулированием историками конкретно-исторического метода, апеллирующего к частным фактам, в основе своей имеющего критический метод работы с источниками. Церковно-историческая наука же в таком случае оказывается срединной дисциплиной, по целям своим относящейся к богословским дисциплинам, но использующая вполне научные методы, основывающиеся на критическом анализе источников.

Библиографический список:

1. Болотов В. В. К вопросу о Acta Martyrum Scilitanorum // Христианское чтение. 1903. № 7.
2. Болотов В. В. Отзыв о сочинении «Историческая судьба сочинений Аполлинария Лаодикийского с кратким предварительным очерком его жизни» // Христианское чтение. 1908. № 8-9.
3. Болотов В. В. Отзыв о сочинении «Историческая судьба сочинений Аполлинария Лаодикийского с кратким предварительным очерком его жизни» // Христианское чтение. 1908. № 10.
4. Бриллиантов А. И. Происхождение монофиситства: речь, предназначенная к произнесению в день годовичного акта // Христианское чтение. 1906. № 6.
5. Бриллиантов А. И. Профессор В. В. Болотов: биографический очерк // Христианское чтение. 1910. № 4; 5-6; 7-8.
6. Бриллиантов А. И. К характеристике учёной деятельности проф. В.В. Болотова (+5апреля 1900) // Христианское чтение. 1901. № 4.
7. Глубоковский Н. Н. Преосвященный Евсевий (Орлинский), архиепископ Могилевский, бывший ректор (1847-1850 гг.) С.-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 1909. № 10.
8. Глубоковский Н. Н. Преосвященный Евсевий (Орлинский), архиепископ Могилевский, бывший ректор (1847-1850 гг.) С.-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. № 11.
9. Глубоковский Н. Н. Преосвященный Иоанн (Кратиров), бывший епископ Саратовский, ректор С. Петербургской духовной академии (1895-1899гг.) // Христианское чтение. 1909. № 3.
10. Дроздов Ф. Начертание церковно-библейской истории в пользу юношества, обучающегося в духовных училищах». СПб., 1819.
11. Лебедев А. П. Краткий очерк хода развития церковно-исторической науки у нас в России: [Вступительная лекция по Истории Церкви в Московском Университете] // Богословский вестник. 1895. №12.

12. Павлов И. Санкт-Петербургская Духовная Академия как церковно-историческая школа // Богословские труды, сборник посвященный 175-летию Ленинградской Духовной Академии. М., 1986.
13. Пальмов И. С. Памяти профессора Ивана Егоровича Троицкого // Христианское чтение. 1903. № 5.
14. Соколов И. И. Византологическая традиция в Санкт-Петербургской Духовной Академии // Христианское чтение. 1905. №1.
15. Садов А. И. Профессор Евграф Иванович Ловягин (+27 марта 1909 г.) // Христианское чтение. 1910. № 9.
16. Смирнов С. К. История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814-1870). М.: Университетская типография, 1879.
17. Смирнов П. С. Профессор Иван Федорович Никольский // Христианское чтение. 1910. № 10.
18. Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы. Вторая половина XIX в. М., 2012.
19. Сухова Н. Ю. Церковная история: богословие или история? [Электронный ресурс]. URL: http://www.evestnik.ru/history/tserkovnaya_istoriya_bogoslovie_7621/ (дата обращения: 30.09.2016).
20. Чистович И. А. История Санкт-Петербургской Духовной Академии. [Текст]. – СПб., 1857.

Е. В. Швыдка

ЯВЛЕНИЕ ИКОНЫ: ТРАКТОВКА ЗНАЧЕНИЙ, ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПОЛЕ ДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматривается трактовка значений понятия «икона» и границы его применения. Констатируется, что в природу иконы заложена динамика восхождения (и возведения) к Богу.

Ключевые слова: Икона, иконообраз, история иконы.

В известной евангельской притче говорится: прочтен тот дом, который поставлен на камень. Забегая несколько вперед, скажем: сокрытое под понятием «икона» многообразие материала, в которое нам придется в скором времени погрузиться, поистине труднообозримо и неохватно. Поэтому, в данном параграфе нам хотелось бы не только раскрыть значение слова «икона» и описать историю ее происхождения, но и заложить прочный «фундамент» — вычленив и обрисовать нечто единое, общее для всех объектов, которые